

Виступ на пленарному засіданні IV Міжнародної науково-практичної конференції «Соціальні та політичні конфігурації модерну: політична влада в Україні та світі».

УДК 316.482.3

ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ РАССКАЗЫВАТЬ О ВОЙНЕ

Макеев С.А.

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий отделом социальных структур,
Институт социологии НАН Украины*

У статті описані соціально-політичні наслідки Кримської війни 50-х років XIX століття (яку військові історики також називають «по-справжньому першою світовою війною») для суспільства Російської імперії і держав Європи. Грунтуючись на антивоєнній публіцистиці Карла Маркса і Фрідріха Енгельса для німецької газети «Neue-Oder Zeitung» та американської «New-York Daily Tribune», а також на їх особистому листуванні, автор проводить влучні аналогію з нинішньою «гібридною війною» на території України, до якої прямо або опосередковано залучені більшість світових держав.

Ключові слова: Кримська війна 1853-1856 рр, Карл Маркс, Фрідріх Енгельс, Микола I, Європа, Крим, Наполеон I, Олександр II, панславизм, Російська імперія, експансія.

В статье описаны общественно-политические последствия Крымской войны 50-х годов XIX века (которую военные историки также называют «по-настоящему первой мировой войной») для общества Российской империи и государств Европы. Основываясь на антивоенной публицистике для немецкой газеты «Neue-Oder Zeitung» и американской «New-York Daily Tribune» и личной переписке Карла Маркса и Фридриха Энгельса, автор проводит меткие аналогии с нынешней «гибридной войной» на территории Украины, в которую прямо или косвенно вовлечены многие мировые державы.

Ключевые слова: Крымская война 1853-1856 гг, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Николай I, Европа, Крым, Наполеон I, Александр II, панславизм, Российская империя, экспансия.

The article describes the social and political consequences of the Crimean War of the 50s of the XIX century (which the military historians also referred to as "the first truly global war") for the society of the Russian Empire and the states of Europe. Based on the anti-war journalism for the German newspaper «Neue-Oder Zeitung» and the American one «New-York Daily Tribune» and personal correspondence of Karl Marx and Friedrich Engels, the author holds apt analogy with the current "hybrid war" on the territory of Ukraine, which directly or indirectly involves the most of world powers.

Key words: the Crimean War of 1853-1856, Karl Marx, Friedrich Engels, Nicholas I, Europe, Crimea, Napoleon I, Alexander II, Pan-Slavism, the Russian Empire, the expansion.

Представляемое на нашей конференции сообщение представляет собой опыт прочтения нарративов о Крымской войне XIX века, начавшейся 20 октября 1853 года манифестом Николая I об объявлении войны Турции. 27 марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России. Второго сентября 1854 года англо-французский экспедиционный корпус высадился в районе Евпатории, а 27 августа 1855 года взят Малахов курган. 30 марта 1856 года подписан Парижский мирный договор, военная миссия России на Кавказе и на берегах Дуная и Днестра потерпела неудачу.

Рассказчиками являются К.Маркс и Ф.Энгельс: преимущественно для немецкой газеты «Neue-Oder Zeitung» и американской «New-York Daily Tribune» они писали обзоры военных и около военных событий, собранные в 10 и 11 томе их собрания сочинений. Ф.Энгельс время от времени появляется в конторе семейного текстильного предприятия в Манчестере, столице, как говорят сегодня, XIX века, в остальном встречается с немецкими эмигрантами и пишет статьи, поскольку ему, как он пишет некоему адресату своему другу в письме, «абсолютно необходим этот заработок». Вернее всего, необходим не столько для себя

лично, но для своего друга. К.Маркс живет в Лондоне в хроническом безденежье и долгах. Чтобы комментировать текущие события с «научной точки зрения» читает и делает обширные выписки из литературы по истории, финансам, дипломатии, лингвистике в Британском музее и для себя, и для Ф.Энгельса, готовит публикации и пытается их пристроить в самые разные издания. Оба внимательно следят за новейшей литературой по самым разнообразным предметам, изучают, а им уже хорошо за тридцать лет, русский, польский, чешский, испанский. Оба утверждают себя в качестве ведущих экспертов на рынке военной журналистики – широкими познаниями, аргументированными обобщениями, дальновидными прогнозами. То есть действуют согласно правилу добросовестного ученого: как ни основательно ты начитан, компетенция никогда не бывает достаточной, скорее она всегда в дефиците и надобность в ее пополнении неутолима.

И вот что получается: К.Маркс и Ф.Энгельс прочитывают события, а я прочитываю, не прибегая к строгим или мягким процедурам контент-анализа, что было бы любопытно, их прочтение, то есть интерпретирую их интерпретацию, прибегая при этом к современному языку, но стараясь не злоупотреблять им. Другими словами, я не восстанавливаю аутентичные смыслы военных статей авторов, но, едва распознаю их и фиксирую, сопровождая кратким комментарием. Остановлюсь лишь на некоторых сюжетах повествования о главном событии европейской истории середины пятидесяти годов позапрошлого века. Причем выбор фабул по необходимости или, скорее, волонтаристски избирателен, а значит – предельно узок, не исчерпывая, конечно же, наличествующего в статьях наших авторов. Их всего четыре: статус войны, дипломатия и война, о военном руководстве, Россия о себе и Европе. Каждый из них завершу обобщающим резюме.

Статус войны

В описании войны между нашими авторами есть отличия, в детали которых входить не станем. Ф.Энгельс много больше интересуется военной теорией и стратегией, армейская искушенность составила из года службы в артиллерийском полку в начале 40-х годов, из участия в боях во время революции в Германии, из энциклопедической начитанности в военной истории. В семье К.Маркса у него прозвище «Генерал»: за личную храбрость в бою и организаторские способности в ведении боевых действий, засвидетельствованные многими очевидцами, крепкое телосложение, физическую тренированность и властность, без труда угадываемую всеми, кто с ним общается. В подготавливаемых обзорах ему не приходится занимать патриотическую позицию, ведь германские государства в войне участия не принимают, и хотя Пруссия находится под сильнейшим влиянием России, но на ее стороне вряд ли открыто выступит и до последнего, считает Ф.Энгельс, станет искать свою выгоду. К.Маркс чаще пишет о политике вокруг войны, о структуре английского правящего класса (т.11, с.95 – 98, 99 – 102), о том, как некомпетентно тот управляет делами и ходом войны (т.11, с.105 – 106). В самый разгар крымской кампании следственная комиссия палаты общин, не без влияния, похоже, разоблачений в британской прессе от корреспондентов с театра военных действий, пришла к тому же выводу (т.11, с.168 – 171).

Для обеих войн входит в номенклатуру средств, применяемых государствами как основными институтами политического взаимодействия. Однако средством крайним, последним. Если подкуп, интриги, шантаж и запугивание во всех их многообразных формах не приближают к реальной или вымышленной цели, тогда приходится еще и воевать. Причем война лишь в малой степени приостанавливает происки, взятки и устрашение, она просто дополняет их, придавая политическому действию тотальный характер. Тексты К.Маркса и Ф.Энгельса можно интерпретировать и так, что государства дряхлеют без войны и, нуждаясь в обновлении структур и функций, в «пробуждении здоровых элементов» (т.10, с.371) не находят иного средства как прибегнуть к такой, с позволения сказать, оздоровительной процедуре с человеческими жертвоприношениями. Или еще так – сама безопасность данного института и его граждан, повышенная мобилизация сил и средств, нарастание патриотических настроений и укрепление национальной идентичности, а равно и национальных предрассудков, есть необходимые продукты войны (т.11, с.187 – 192) – история, в том числе новейшая, не позволяет нам в этом усомниться.

В общем, готовиться к войне, разыскивать ее, запастись предлогами для войны и удобрять почву для нее одна из главных забот государства и правителей. Война, иначе говоря, процесс не заверченный и не завершающийся, не будет преувеличением сказать, что она всегда лишь вопрос времени. И она же, кроме того, обнаруживает себя в качестве повивальной технологии, вызывающей к жизни новые государства. В статьях читаем о том, как Франция запугивает Австрию тем, что инициирует государственное самоопределение итальянцев и венгров, то есть придаст статус реальности неким вполне оформившимся государственным эмбрионам в рамках империи, если та не присоединится к антирусскому

альянсу. В конце следующего, XX века, в войнах распались на отдельные государства Югославия и СССР, а в начале XXI темная энергия этого распада настигла Украину, конституировав, трудно сказать надолго ли, две «народные республики».

Причины Крымской войны довольно очевидны. К.Маркс и Ф.Энгельс уверяли заокеанскую и континентальную читательскую аудиторию в том, что поведение Франции в религиозном вопросе – речь шла о защите христиан-католиков и их «святых мест» – спровоцировало Россию. Впрочем, присовокупим от себя, вопрос о причинах безразличен изначально, ведь хорошо известно, что войну подстрекать может все на свете, как нечто реальное и серьезное, так и всяческие пустяки или чистые выдумки. Как мне думается, можно эмпирически подтвердить предположение о том, что между теми, кто соседствует, кто близок, войны случаются чаще. Ведь из обыденного опыта известно, какие страсти и разрывы происходят в семьях, в отношениях с соседями.

Тем не менее равновесие в Европе, как всегда хрупкое и относительное, действиями Франции было основательно нарушено. Россия не забывала прошлые войны с ней и Турцией, а память о войнах, особенно победоносных, также стоит числить в списке факторов-побудителей вооруженного конфликта. Прошло 70 лет отвоевания Крыма у Турции, однако под гнетом Османской империи страдают славянские народы, люди православного вероисповедания, нуждающиеся в защите. Турция объявляется сферой русских и только русских интересов, ей публично ставится диагноз – она тяжело больна и нуждается во внешнем вмешательстве. Причем вердикт предельно строг: время ее существования истекло. На образовавшихся руинах должны возникнуть независимые государства под российским покровительством. Именно так российский император видел ситуацию и определял ее английскому послу в Санкт-Петербурге, его цитирует пресса и К.Маркс в своей статье (т.10, с. 154 – 155).

Стоит напомнить обстоятельство и личного свойства, о котором наши авторы, впрочем, не говорят. Николай I не признал легитимность Наполеона III, избранного сначала президентом, а после того как на плебисците граждане проголосовали за возвращение наследственной монархии, провозглашенного императором Франции. В представлении Николая I узурпация власти безродными выскочками Наполеонами не совместима с царским или императорским достоинством и равным себе он его не признает.

Издавна, как видим, Россия решает кто легитимен, а кто незаконно захватывает власть – нечто сакрализованное, неприкосновенное, неприступное для посягательств. Такого рода решение предстает политическим архетипом, кочующим сквозь времена, обстоятельства, технологические эпохи. К тому же, констатируют оба журналиста, в практиках защиты соотечественников или единоверцев никто России не советчик и не указчик, она сама освободит и поможет, такова ее суверенная миссия – установить религиозный протекторат над православным населением Турции. Для этого формируются добровольческие отряды из искателей приключений и разношерстной публики, склонной к грабёжам. Вооружаемые и финансируемые Россией они должны поддержать восстание угнетаемых народов Порты (т.10, с. 58). Много позже культурный протекторат в виде «русского мира» выдвинется на первый план, реанимированный в качестве достаточного мотива территориальных аннексий в начавшемся полтора десятилетия тому назад XXI столетии.

Резюме таково: Война описывается нашими авторами как культура, но лично мне недостает в таком описании признания, что она активный очаг всяческой социальной, моральной, экономической мерзости, отравляющий все вокруг себя гнойник, активирующий самое низменное и недостойное в человеке. Мало сказать, будто война есть неотъемлемая часть культуры, она, безусловно, есть культурная универсалия, наподобие языка или брака; она всегда следствие предыдущей войны, пытавшейся разрешить затруднения совместного сосуществования государств; высока и вероятность того, что исходом войны окажется новое государственное образование.

Дипломатия и война

Еще до объявления войны России Англией и Францией Ф.Энгельс убеждал читателей, что дипломатия и военные действия хотя и связаны, но в определенный момент дипломатия утрачивает контроль над ходом и порядком боестолкновений. Когда войска сближаются или же вступают в контакт, то никакие заклинания дипломатов уже не вернут события под контроль, там начинает действовать собственная причинность и логика. Каких-либо иллюзий относительно действенности переговоров питать не стоит – война вырывается на свободу и начинает творить свое черное дело, а уповать на дипломатию было бы легкомыслием (т.10, с.1 – 6).

Пять «великих держав» правят судьбами Европы – Англия, Франция, Австрия, Пруссия и Россия. Но когда Россия объявляет войну Турции, Австрия и Пруссия склоняются ее в

этом поддержать, а Англия и Франция поначалу не защищают Турцию, оставляя ее наедине с Россией и поощряя, тем самым, экспансионистские помыслы и замыслы России (т.10, с. 7 – 16). Последние полтора столетия, пишет К.Маркс, все прежние мирные договора служили России арсеналом, из которого она черпала оружие для обмана, вмешательства, продвижения вперед и поглощения. Иначе говоря, обязательства ею вроде бы принимаются, но либо исполняются небрежно, либо не исполняются вовсе. А европейские государства медлят, склонны к компромиссу тогда, когда дело касается преступлений такого рода. И такой образ действий, информирует аудиторию журналист, вреден и ошибочен (т.10, с.22 – 23).

Добавлю от себя. «Восточные осложнения» являются постоянным стрессором европейской политики: Россия действует в Европе, но взаимное неприятие и подозрительность, даже враждебность, то более, то менее, выраженные, всегда присутствуют в атмосфере политической жизни континента. Имеющая более чем трехсотлетнюю историю безуспешность приживления России к Европе, внутри страны генерирует представления об особом пути и особом состоянии, замысловатом сочетании европейских и азиатских элементов.

Оба наши политических аналитика отнюдь не русофобы. Своим читателям они намерены представить события такими, каковыми они в самом деле есть, в их подлинном свете. Да Россия агрессивна, устами августейшего повелителя обещает не посягать на территориальную целостность Турции, однако поступает ровно иначе. Но ведь и ее оппоненты разобщены, некоторые министры Англии и Франции являются тайными или явными агентами России (т.11, с.61 – 67), многие члены парламентов не понимают или не желают понимать что происходит на самом деле, их оценки политической ситуации настолько приблизительны, что не приходится ожидать адекватных ответных действий – безоглядными еврофилами К.Маркса и Ф.Энгельса уж никак не назвать.

К.Маркс и Ф.Энгельс, таким образом, опираясь на дипломатическую историю присутствия России в Европе, информируют читательскую аудиторию о ее инородности континентальным традициям и ценностям, явственно ощущаемой и выражаемой обеими сторонами конфликта. Но никогда не прибегают к упрощенной форме описания войны «цивилизации против варварства».

О военном руководстве

Для Ф.Энгельса единственным авторитетным военачальником был Наполеон I (т.10, с.239). Среди современников он не видел генералов, знающих и понимающих войну, способных мыслить стратегически и тактически. У русских генералы не страшные, прусские офицеры прирожденные прапорщики, пишет он в начале 1854 года, а английская армия и вовсе не готова к войне (т.10, с.6, с.243 - 249). К.Маркс разделяет эти оценки – бездари и олухи ведут солдат в бой, а если победы случаются, то вопреки действиям командиров, благодаря мужеству и храбрости рядовых – радикальная асимметрия симпатии в пользу армейских низов. Генеральские шпаги, убеждены оба военных журналиста, многие заслужили в ходе неопасной службы в дворцовых передних и «пламенным исповеданием высоких роялистских принципов» (т.10, с.39). Некомпетентность же некоторых такова, что невольно возникают мысли об измене, которые легко озвучить и много труднее доказать. Как и во всяком деле, в военном таланты редки, вот только цена посредственности тут непомерна (т.10, с.565).

Меж тем, как все мы знаем, фигура военачальника, возвращенного на властном паркете, никуда не делась, стабильно воспроизводится в самых разных политических и экономических условиях. И еще: сегодня кое-кто думает, и я в их числе, что о таланте в военном деле порядочный человек говорить не станет.

Ф.Энгельс тщательно, с привлечением статистики, оценивает численность, вооружение и боеспособность армий в Европе (т.10, с.522 – 582, т.11, с.433 - 507). В самом начале кампании, играя в воображаемой военно-штабной игре за союзников, он предполагал активность на Балтийском море и Черном море с целью лишить Россию Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, превратив Россию в великана «без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич» (т.10, с.4). Похоже, Ф.Энгельс знал об «окне», прорубленном Петром I в Европу, и предлагает его заколотить («ослепить») – чтобы Россия то ли не таранилась на континент, то ли перестала страшить из него европейский люд.

При всем том после смерти отца (1855 год) Александр II пригрозил всей Европе превратиться из императора Всероссийского в императора всех славян и повести их на прочие романо-кельтские народы. Призрак панславизма и «войны национальностей» проник

на континент и всерьез обеспокоил европейские царствующие дома и республики (т.11, с.202 – 208). На обретшую пока еще только риторический статус угрозу Ф.Энгельс отвечает интенсивным изучением «славянского вопроса». После поражения империи в Крыму он оценивает «силы сопротивления России» и предполагает, что ее армиям целесообразно отступить и удерживать треугольный плацдарм с углами в городах Херсон, Николаев и Екатеринослав (нынешний Днепропетровск, т.11, с.572 – 574). Перед нами еще один вариант, не осуществившийся, правда, военно-штабной игры, развернутый в публицистический текст.

Однако то была странная, в убеждении наших журналистов, даже мнимая война, в ходе которой бездарность военных удачно дополнялась непритязательной сносностью, а иногда и продажностью, государственных мужей и в которой «война велась на основе взаимной учтивости и снисходительности» (т.11, с.618). Некий недоброжелатель скажет: ваши эксперты отъявленные милитаристы, они сожалеют, что война не настоящая и в ней никто не хотел решительной победы. Но сами они возразили бы, что стремились незаинтересованно оценивать общую физиологию войны в тот период, когда капитализм в Европе еще молод, аристократия в Англии не утратила статуса и престижа, различные фракции буржуазии с ней конфликтуют за власть, пролетариат не организован, а соседствует с капитализмом монархия с преимущественно сельскохозяйственным населением. А еще, не исключено, добавили бы: этот мир заслуживает критики оружием.

Резюме формулируется так: единственно из максимально точной оценки ситуации следуют оптимальные цели действия и способы их достижения; солдаты мужественны, военачальники бесталанны, официальная власть некомпетентна, лицемерна и продажна; политическая, экономическая, социальная разнородность континента допускает множественность прочтений в диапазоне от журналистики войны до журналистики мира.

Россия о себе и Европе

Николай I в беседе с англичанином, выдержки из которой появились в лондонской прессе, говорил о том, что Англия с ее буржуазным парламентом не в состоянии со славой вести войну. И было это едва прикрытым обвинением в трусости правительств ведущих европейских государств и демонстрацией убеждения в собственной твердости и мужестве – весьма распространенная, впрочем, риторика периодов обострения дипломатических отношений. Ф. Энгельс пишет о высокомерии и самоуверенности царской политики (т.10, с.312), а К.Маркс отдает должное монарху – тот знает низкую и подлую душу европейской буржуазии. В письме другу в Манчестер констатирует, что среди правителей Германии на протяжении многих столетий встречаются всего три типа, попеременно сменяющие друг друга, – ханжа, унтер и скоморох. В России же, замечает он, воинственный пыл населения тщательно подогревается, а верхи и низы общества едины в оценке современной им Европы – та утратила стойкость и отвагу, прогнивший либерализм ведет к беспорядкам и революциям, нравственные устои расшатаны.

Приведу цитату из статьи Ф.Энгельса об одном московском купце, у которого есть английские товары и возникли опасения в связи с возможной их конфискацией в случае войны: «Старый россиянин, возмущенный подозрением, павшим в связи с этим на его правительство, и хорошо усвоивший официальную фразеологию, согласно которой Россия, в противоположность «революционным и социалистическим» странам Запада, является великим поборником «порядка, собственности, семьи и религии», возражает на это, что «у нас в России различие между «мое» и «твое» еще, слава Богу, в полной силе, и ваша собственность здесь находится в большей безопасности, чем где бы то ни было. Я бы даже советовал вам переслать сюда возможно большее количество принадлежащей вам собственности, потому что здесь она, пожалуй, сохранится лучше, чем там, где она находится сейчас. Опасаться за ваших соотечественников вы, возможно, имеете основания, опасаться же за вашу собственность – отнюдь нет» (т.10, с.70, курсив в оригинале).

Относительно приведенной цитаты три соображения. Во-первых, убеждены К.Маркс и Ф.Энгельс, в буржуазном, то есть классовом, обществе официальная фразеология не может обрести тотальный характер и преодолеть классовые отличия в мировосприятии и объяснении происходящего. Политический аналитик принимает данное положение в качестве методологического императива и безуданно разоблачает умолчания, мистификацию (т.10, с. 517 – 521) или прямой обман, на которые, информируя граждан, идут находящиеся у власти фракции правящего политического класса в мирное и, особенно, в военное время. Так оба наших автора и поступают.

Во-вторых, с тех пор средства и способы привития официальной фразеологии ритительно усовершенствованы, а тоталитарные режимы XX века утвердили ее доминантный статус. И ныне там, где она преодолевает статусные и образовательные

отличия, есть основания говорить о тоталитарных состояниях общества. Совпадение официальной риторики и индивидуального мнения, едва ли не полное и безразлично, искреннее или лицемерное, представляет собой весьма распространенную в веках социально-политическую сингулярность, некое особое состояние единомыслия. В русской литературе М.Е.Салтыков-Щедрин много иронизировал по этому поводу, однако ирония не действенна против сингулярности. К тому же находящееся за ее пределами означает как инакомыслие и, как хорошо известно не только из советской истории, обыкновенно строго преследуется.

В-третьих, такого склада сингулярность предполагает и некое самописание, воспроизводимое Ф.Энгельсом и диковинное для европейцев. Россия предстает в них оплотом порядка, там все ладно скроено и устроено, все идет как должно, в противоположность тяжко недомогающей Европе. И еще один отчетливо звучащий обертоном в речи московского купца – нам нет нужды становиться лучше или совершенствоваться, мы нравимся себе такими, какие есть, какими стали в недавнем или более отдаленном прошлом, мы одарены всеми добродетелями и нам не присущи пороки западного мира. Здесь не только и не столько горделивая манифестация нравственного превосходства, но и предъявление своеобразного хронотопа, согласно которому прошлое, традиция предопределяет настоящее и обесценивает, фактически закрывает, будущее. Для меня лично все выглядит примерно так: страна и ее люди поворачиваются спиной к будущему, пристально всматриваясь только в свое прошлое, превознося его и непрекословно принимая его наследие – нечто несовместимое с европейским модерном и его не отводимым повелением: преуспевать изменяясь.

И резюме тут таково: не стоит недооценивать степень консервативности и потенциал самовоспроизводства ментальных структур, обосновывающих фундаментальные отличия в мировосприятии и самовосприятии, способные информационно сопровождать подготовку к войне и сами военные действия и конституироваться в конкретный тип социально-политической сингулярности.

И, наконец, завершающая констатация. Политическая социология и, в частности, интерпретация актуальной политики, войны и событий вокруг нее с «научной точки зрения», оставленная нам в наследство обоими публицистами, ожидают своего вдумчивого и скрупулезного исследователя. Выяснить, как это делается, по каким принципам и правилам, представляется мне необыкновенно интересным занятием, хотя и не сулящим быстрого успеха. А если еще посмотреть русскую периодику того времени и обнаружить в ней схематизмы описания войны, да привлечь в качестве свидетеля Л.Н.Толстого с его севастопольскими рассказами, где представлена, помимо прочего, жесткая стратификация русского офицерства, да соотнести это все с рассказами о войнах, которые Россия вела уже в нынешнем веке, цены бы такой работе не было. А инварианты подобного нарратива непременно обнаружили бы в медиа США или Израиля.